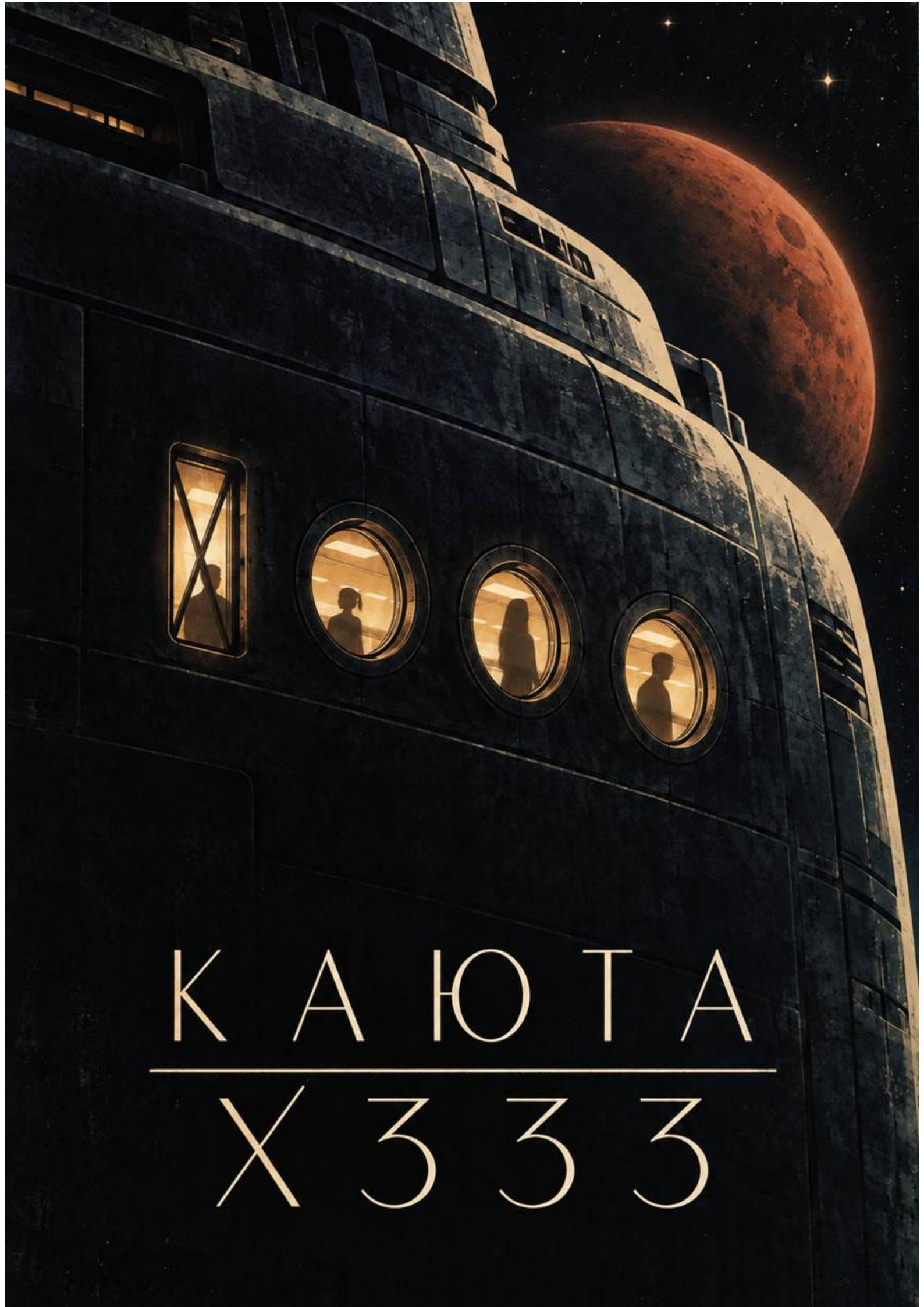

A movie poster for the Russian film 'Kavut' (Cabin). The background is a dramatic space scene featuring a large, dark, metallic spaceship in the foreground. The ship has several windows, some of which are illuminated from within, showing the silhouettes of people inside. In the background, the reddish-orange surface of Mars is visible against a starry black sky. The title 'КАЮТА' is written in large, white, serif capital letters across the middle of the image, with a horizontal line underneath it. Below the line, the text 'X333' is written in a similar white serif font.

КАЮТА

X333

Владимир Балакин

Каюта Х333

«Автор»

2026

Балакин В.

Каюта Х333 / В. Балакин — «Автор», 2026

«Прибор изъять. Владельца — убрать». Двое в чёрных комбинезонах рассчитывали на тихую работу. Но за дверью каюты Х333 оказался учёный Глеб Сомов — бывший чемпион по акробатике, который даже спросонья способен сильно осложнить жизнь наёмным убийцам. Теперь на борту космического лайнера «Кассиопея-9» есть человек, за которым охотятся, и светская львица Изольда Крутоярова, которой испортили ночь. У неё фен на две тысячи ватт, характер на все пять тысяч и слишком много вопросов, чтобы оставить это дело в покое. Кому понадобился Глеб? Что за прибор ищут незваные гости? И как спокойно закончить путешествие, если за соседней дверью может скрываться кто угодно? Лёгкий комедийный детектив с космическим размахом и драками в духе Джеки Чана. Здесь за жизнь сражаются тем, что попало под руку, приличные пассажиры хранят неприличные секреты, а у любви, как и у неприятностей, нет привычки стучаться.

© Балакин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Человек, который не ходил на шведский стол	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Балакин

Каюта Х333

Глава первая. Человек, который не ходил на шведский стол

Космический лайнер «Кассиопея-9» компании «Солнечные линии» был кораблём того типа, о котором в рекламе по ГалНету пишут «комфорт, проверенный временем», а в отзывах пассажиров — «ну, долетели и слава богу». Триста метров серебристого корпуса, четыре жилые палубы, две столовые со шведским столом — правда, рабочей была только одна, — обзорный салон с панорамным окном во всю стену, бассейн размером с очень амбициозную ванну и бортовой искусственный интеллект по имени КАССИ, который приятным женским голосом желал пассажирам доброго утра даже тогда, когда за бортом не было ни утра, ни чего-либо ещё, кроме бесконечной черноты.

Шесть суток от лунного порта под названием Селен до марсианского Олимп-Сити, два рейса в неделю; за последние одиннадцать лет — ни одного опоздания. Этим капитан Бартоломей Ильич гордился больше, чем своими усами, а усами он гордился безумно. Усы у капитана были пышные, рыжие, с закрученными на концах крючками, и злые языки из числа его команды утверждали, что именно они, а не маршевые двигатели, обеспечивают кораблю такую стабильность курса.

Глеб Андреевич Сомов поднялся на борт в последнюю минуту, когда стюард уже тянулся к кнопке закрытия шлюза. В одной руке у Глеба был потёртый рюкзак, помнивший виды студенческих экспедиций, а в другой — плоский металлический кейс, который он бережно прижимал к груди.

— Хрупкое? — сочувственно спросил стюард, покосившись на кейс.

— Наоборот, — с гордостью ответил Глеб. — Самое твёрдое, что сейчас есть во всей Солнечной системе.

Стюард немного не понял, о чём речь, но на всякий случай вежливо улыбнулся пассажиру и без дополнительных вопросов его пропустил. За годы своей службы он чётко усвоил одно правило: пассажиры с кейсами — это либо учёные, либо контрабандисты, и с теми, и с другими лучше не спорить.

* * *

Глебу Сомову было тридцать восемь лет, хотя выглядел он моложе. Доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией композитных материалов Лунного университета, автор ста двадцати научных статей, которые во всей Солнечной системе внимательно прочитали человек сорок, причём половина из них — чтобы найти ошибку, а вторая — чтобы оставить своё язвительное ревью. Мало кто знал, что Глеб ещё и бывший чемпион университета по спортивной акробатике, что всячески им замалчивалось и держалось в тайне.

Акробатику Глеб так и не бросил. А напротив, каждое утро делал сальто прямо в лаборатории, между центрифугой и вакуумной камерой, чем доводил его лаборантов до нервного срыва. Бегал по коридорам лунной базы, подтягивался на трубах вентиляции и стоял на одной руке, при этом держа в другой чашку кофе. Рост у него был средний — метр семьдесят семь — «как у Наполеона, только с запасом», как любил говорить он сам. Лицо — самое что ни на есть обыкновенное, с грубым подбородком и морщинкой между бровей, которая появлялась, когда Глеб думал. А думал он почти всегда.

Полгода назад от Глеба ушла жена. Инга была женщиной красивой, практичной и терпеливой, но терпения ей хватило ровно на девять лет.

— Глеб, — сказала она, закрывая последний чемодан, — ты женат на своих кристаллических решётках, а я просто живу с вами обоими в одной квартире. И мне сложно сказать, кто из вас относится ко мне лучше.

Спорить Глеб не стал. Во-первых, это было правдой. Во-вторых, в тот самый момент в небольшой термокамере шёл решающий домашний эксперимент, и он постоянно косился взглядом на часы. В итоге этого Инга ему так и не простила.

«Зато эксперимент удался», — вспомнил Глеб про себя.

Полученный тогда материал он назвал «гибритом». Вещество вело себя совершенно неприлично для порядочного вещества. В спокойном состоянии материал гнулся, как резиновый коврик для йоги, а при резком ударе мгновенно становился твёрже броневой стали — и через секунду снова становился мягким. Его плотная слоистая структура запасала энергию деформации и возвращала её обратно толчком: пластина получалась одновременно бронёй и очень упругой пружиной. Пуля отскакивала, кувалда норовила вернуться к владельцу, а лаборант Петенька, плюхнувшийся на образец после обеда, оказался на шкафу.

Пластина гибрита размером с большой поднос лежала сейчас в том самом кейсе. Глеб вёз её на Межпланетную популярную техническую выставку «ТехЭкспо» в Олимп-Сити, где собирался впервые показать своё открытие публике. Он уже столько раз представлял себе, как выйдет на сцену, как поднимет пластину, как кто-нибудь из зала метнёт в неё кирпич... Дальше фантазия обычно заканчивалась, потому что Глеб не был уверен, куда именно полетит кирпич после отскока.

Для удобной перевозки Глеб закрепил пластину в откидной крышке кейса между двумя гибкими защитными сетками. Крышку можно было развернуть наружу и держать за ручку как небольшой щит. Он рассчитывал, что так будет удобнее и безопаснее показывать гибрит на выставке.

* * *

Его каюта находилась на первой палубе и носила номер 1333. Она была небольшой, но уютной: узкая кровать, откидной столик, шкаф, душевая кабина и иллюминатор размером с большую тарелку, за которым плавно двигались звёзды. Он поставил кейс под кровать, рюкзак кинул на стул, сел и открыл планшет с докладом.

Тем временем корабль жил своей рутинной жизнью. КАССИ каждые два часа сообщала мелодичным голосом:

— Уважаемые пассажиры! В столовой второй палубы открыт шведский стол. Сегодня в меню — марсианские томаты, лунная форель и блинчики с кремом «Галактика».

Глеб не пошёл.

— Уважаемые пассажиры! В обзорном салоне через иллюминатор прекрасно видна туманность Ориона. Не пропустите!

Глеб не пошёл.

— Уважаемые пассажиры! В бассейне состоится аквааэробика для всех желающих. Ведущий — старший помощник капитана Эдуард Бобров!

Глеб, вообще-то, немного заинтересовался, потому что, судя по фото, которое он ранее видел, старпом Бобров был мужчиной весом сто двадцать килограммов, и зрелище однозначно обещало быть поучительным с точки зрения гидродинамики. Но в этот момент он как раз нашёл ошибку в третьей формуле доклада, и аквааэробика прошла без него.

Глеб ел крекеры из рюкзака, пил чай из пакетиков, по утрам отжимался между кроватью и шкафом. Иногда выходил пройтись, потом возвращался и снова переписывал доклад в четвёртый, пятый, шестой раз и думал. Думал. Думал о гибрите. Думал о том, что сказать на выставке. Думал — об Инге. Может, она и вправду была не так уж неправа? Кроме лабора-

тории, выставок и статей, он мало что мог вспомнить. Даже звёзды в иллюминаторе первым делом заставляли его думать о космическом излучении.

Двое суток пролетели незаметно, и Глеб понял, что за всё это время видел живых людей только трижды. Первый раз — в лифте, где пахнувшая дорогими духами блондинка в белом пальто держала на руках рыжего шпица размером с большую пушистую варежку. Шпиц громко облаял Глеба с таким негодованием, будто тот лично отменил на корабле все косточки. Блондинка окинула Глеба взглядом, от которого у него почему-то зачесалось левое ухо, и вышла на второй палубе, не сказав ни слова. Второй раз — в коридоре, где мимо него прошла высокая девушка с заплаканными глазами и ведёрком ванильного мороженого, которое она прижимала к груди, как спасательный круг. Девушка задумчиво врезалась лбом в декоративную арку, сказала арке «извините» и пошла дальше.

Третий раз он столкнулся у автомата для подачи горячей воды с человеком в зелёном кардигане с оленями. Человек держал пачку бланков с заголовком «Заявка на регистрацию», пытался набрать воду в стакан и одновременно бухтел что-то себе под нос. На одном из бланков Глеб успел прочитать «Ф. Ш...», прежде чем хозяин прижал бумаги к груди и исчез в лифте.

«Странные люди летают на этом корабле», — подумал Глеб и вернулся в свою каюту к докладу.

* * *

На исходе вторых суток полёта каютный планшет показал короткую новость о недавно завершившейся на Луне выставке «ФизЭкспо».

Председатель оргкомитета Эразм Черепанов объявлял новую программу своего фонда «Мирный щит» — поддержку малых конструкторских бюро. Он говорил о перспективных разработках, больших возможностях и светлом будущем с такой уверенностью, будто будущее уже согласовало с ним условия.

Следом в кадре появился оружейный магнат Гектор Мальцев-Чабуров. Он стоял возле стенда с надписью «Искра» и указывал на серую коробочку. Рядом - молодой инженер в зелёном кардигане с оленями что-то горячо объяснял переводчику. Переводчик кивал, барон хмурился. Переводчик кивал, барон хмурился всё сильнее. В общем, без звука было совершенно трудно понять, договаривались они или уже поссорились.

Глеб выключил новости и вернулся к докладу. Чужие изобретения его не интересовали от слова совсем, так как у него было уже своё.

Всё началось в третью ночь полёта, в два часа сорок минут по корабельному времени.

Глеб спал чутко — старая привычка, выработанная годами в ходе длительных ночных экспериментов. Поэтому, когда электронный замок его каюты тихонько пискнул, он открыл глаза раньше, чем дверь успела отъехать в сторону.

В комнате было темно. В проёме стояли двое. Оба в каких-то плотных комбинезонах, оба в масках, и они двигались с той особой, нарочитой осторожностью, которая бывает только у людей, насмотревшихся фильмов про ниндзя. Первый был длинный и тощий, второй — круглый и низкий, как швабра без палки.

— Ну чё, — прошептал круглый, — это тут?

— Каюта один триста тридцать три, — ответил тощий. — По заданию это тут.

— А кого брать: бабу или мужика?

— Какая разница, Бублик? Нам главное — прибор. Прибор забираем, клиента... того.

— Того — это чего?

— Того — это того, Бублик! Я тебе на пальцах, что ли, показывать буду?

Глеб лежал настолько неподвижно, насколько мог и внимательно слушал их диалог, всё больше тревожась. Прибор? Что ещё за прибор? У него не было ничего такого. Только электробритва, да и та барахла. А... Разве что... Кейс... Гибрит.

«Долбанные конкуренты! — мелькнуло у него в голове. — Узнали про открытие и хотят украсть мой образец до выставки!» Другого объяснения он спросонья не нашёл.

Тощий уверенно шагнул к кровати. Круглый решил подлезть под неё — именно туда, где лежал кейс.

И тогда Глеб резко вскочил.

Одеяло мгновенно взлетело вверх и накрыло тощего с головой, превратив его в очень злое и очень удивлённое привидение. Глеб перекатился через кровать и выдернул кейс прямо из рук у Бублика. Защёлки кейса моментально раскрылись; Глеб вывернул крышку пластиной наружу. Бублик ударил от всей души и со всего размаха. И попал по гибриту.

Раздался такой звук, который бывает, когда кулак встречается с чем-то, что ведёт себя как броневая плита и батут одновременно. Бубликовый кулак отскочил обратно резким пружинным толчком и врезался ему же в лоб. Бублик от удара сел на пол и некоторое время, пытаясь сосчитать звёзды перед глазами, слегка мотал головой. Судя по лицу, с некоторыми звёздами он раньше не встречался.

— Шнырь! — простонал он. — Он бьёт каким-то подносом!

Шнырь тем временем выпутался из одеяла и выхватил из-за пояса дубинку. Глеб отступил к душевой, нащупал за спиной первое, что попало под руку, — тюбик зубной пасты, — и сжал его со всей силы, направив в лицо противнику. Мятная струя ударила Шныря прямо в глаза.

— А-а-а! Холодит! И почему так жжёт?!

— Потому что с ментолом, — пояснил Глеб. — Освежает дыхание на двенадцать часов.

Он проскочил под рукой ослеплённого Шныря, вылетел в коридор и побежал. За ним, спотыкаясь и ругаясь, неслись оба нападавших: один — протирая глаза, другой — держась за лоб.

Ночной коридор «Кассиопеи» был пуст и залит мягким голубоватым светом. Недалеко неторопливо ползал круглый робот-уборщик, напевая себе под нос что-то бодрое. Глеб перепрыгнул через робота. Шнырь перепрыгнул через робота. Бублик не перепрыгнул через робота. Робот обиженно пискнул, развернулся и, подобрав упавшего Бублика на свою плоскую спину, покатил его в сторону лифта, продолжая напевать. Бублик размахивал руками, как перевёрнутый жук.

Глеб добежал до конца коридора и упёрся в тупик. На стене красовалась реклама: «Крутояров — сидеть круто!».

— Ох, не люблю я эту рекламу! — пробурчал он. Сзади приближались тяжёлые шаги. Над головой он заметил решётку вентиляционной шахты. «Вот здесь пригодится моя акробатика», — подумал Глеб.

Глеб прикинул высоту, оттолкнулся от одной стены, потом от другой, выбил решётку ладонью и, подтянувшись на одной руке — во второй был кейс, — нырнул в чёрный проём. Снизу раздался яростный крик Шныря и звук, с которым Бублика, судя по всему, всё-таки сбросили с робота.

— Он в трубе! Лезь за ним!

— Я не пролезу!

— Вот поэтому я тебе говорил: меньше пончиков жрать надо!

Шахта была узкой, пыльной и уходила вверх под пологим углом. Глеб полз, толкая перед собой кейс, чихал от пыли и слышал, как позади, пыхтя, лезут его преследователи. Шахта немного ветвилась, поворачивала, затем снова поднималась. Где-то на второй развилке он окончательно потерялся. По уклону — уже на палубу выше. По запаху рядом с чем-то очень дорогим: из щелей приятно тянуло ароматом лаванды, ванили.

Внизу показалась ещё одна решётка. Под ней мягко светила чья-то каюта. Роскошная, огромная, втрое больше каюты Глеба: белый ковёр, бархатные кресла, кровать под балдахином

и маленькая подушечка с вышитой надписью «Кексик». Людей в каюте не было. Из-за прикрытой двери доносились звуки плеска воды и приглушённая музыка.

Глеб остановился, чтобы перевести дух.

Сзади в шахту с грохотом въехал Бублик, толкая перед собой Шныря, как пробку из бутылки.

И в этот момент решётка под Глебом предательски сказала: «Кряк».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.